Посольство Великобритании Ташкент

Search for Common Ground

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSI www.rusi.org

SEARCH FOR COMMON GROUND

ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТРАНОВОЙ ОТЧЕТ

РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Оглавление

Предисловие....2
Краткое изложение....4
Введение....6
Структурные мотивации вовлечения....9
Индивидуальные уязвимости и побуждения....11
Способствующие (стимулирующие) факторы....13
Факторы устойчивости к радикализации....15
Факторы и группы риска....16
Выводы и рекомендации....17

Настоящий отчет преимущественно подготовлен Бахтияром Бабаджановым, независимый исследователь. Общий проект был осуществлен в сотрудничестве с Международной некоммерческой корпорацией "Поиск Общих Интересов" (Search for Common Ground), Институтом Востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН), Королевским Объединенным Институтом оборонных исследований Великобритании (RUSI), Национальными академиями наук Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а также независимыми исследователями из Центральной Азии, каждый из которых внес определенный вклад в разные версии отчета, но, в конечном счете, каждая сторона несет авторство за соответствующую версию отчета. RUSI является главным автором английской версии отчета, ИВ РАН – русской версии, Центрально-Азиатские исследователи, соответственно, для страновых версий отчета.

Данный отчет подготовлен при поддержке Посольства Великобритании в Узбекистане. Содержание отчета не отражает официальную точку зрения Посольства

Предисловие

Уважаемый читатель,

С удовольствием представляем Вам результаты уникального исследования «Причины и мотивы радикализации среди трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в Российской Федерации»!

Миграция, особенно экономическая, стала важным фактором повышения восприимчивости выходцев из Центральной Азии (ЦА) к радикализации и вербовке в различные экстремистские группы. Существует также мнение среди отдельных групп экспертов, что изоляция, дискриминация и негодование могут сыграть более существенную роль в радикализации трудовых мигрантов в России, нежели сильные или крайне деструктивные религиозные убеждения. В связи с этим в ходе исследования были изучены разные факторы, включая факторы устойчивости в этих сообществах, не позволяющие людям радикализироваться. Также рассмотрены причины и мотивы, служащие основными двигающими силами для радикализации в среде трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана и методы их вербовки. Это уникальное исследование было проведено Представительством некоммерческой международной корпорации «Поиск Общих Интересов» в Центральной Азии в тесном сотрудничестве с ключевыми исследовательскими центрами стран ЦА.

Исследование проводилось в 13 городах России. Группа исследователей из Центральной Азии провела 218 интервью среди трудовых мигрантов, лидеров диаспор, имамов, местных чиновников и других лиц, чтобы получить представление о различных факторах радикализации среди трудовых мигрантов в России.

Мы выражаем особую благодарность команде исследователей из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, которые провели более месяца на полевых исследованиях с респондентами, а также командам двух ведущих исследовательских институтов – Института Востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН) и Королевского объединенного института исследований в области обороны и безопасности Великобритании (RUSI). RUSI помог разработать исследовательскую анкету и подготовить исследовательские группы. ИВ РАН оказал поддержку на местах в России и участвовал в анализе данных.
Мы, команда «Поиск Общих Интересов», полагаем, что результаты данного исследования будут способствовать заполнению пробелов в связи недостаточным количеством исследований на тему радикализации среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России и будут полезны политикам, ученым и практикам для улучшения их понимания о характере и масштабах угроз, связанных с насильственным экстремизмом в Центральной Азии.

Проектная группа также считает, что исследовательская база служит основой для выявления потенциальных тем для стратегического сотрудничества в предотвращении / противодействии насильственному экстремизму среди государственных и негосударственных организаций в Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и России для принятия соответствующих программных мер.

Еще раз благодарим наших партнеров за работу в поддержании мира в Центральной Азии!

С уважением,
Кенешбек Сайназаров
Директор Программ по Центральной Азии
«Поиск Общих Интересов»

Краткое изложение

Цель и задачи проекта – изучить особенности пребывания в РФ трудовых мигрантов (ТМ) из стран ЦА, выявить условия, при которых из этой среды выделяется меньшинство, которое проявило приверженность к идеологии насильственного экстремизма (НЭ) и радикализма. Социологический инструмент исследования – индивидуальные и групповые опросы с дальнейшими кабинетными воспроизведениями и исследованиями. Опросы по охвату уникальны и впервые проведены в 13 городах и пригородах РФ. Опрошено 218 респондента. Неофициально до и после завершения проекта проведено собеседование еще с 25 респондентами.

Краткие выводы:

Масштаб распространения идеологии НЭ в среде ТМ из Узбекистана в России относительно невелик. Количество мигрантов из РУз, вовлекаемых в РФ в группы с идеологией насильственного экстремизма серьезно ограничен и в процентном соотношении ниже, чем среди мигрантов из соседних стран. Мы можем говорить о феномене ограниченной радикализации. Это не означает, что проблем нет и не существует потенциальных угроз.

В числе основных причин, стимулирующих риски вербовок ТМ, выделяются: а). Юридические (отсутствие внятных договоров между РФ и РУз по ТМ, препятствия в официальном оформлении, несовершенство «Закона о трудовой миграции», законодательная наивность самих ТМ и др.); б). Экономические (дороговизна разрешительных документов, коррупция, обман работодателей и т.п.); в). Личные, или социальные (плохое знание законов РФ и русского языка и,

как следствие, трудности с легализацией, плохое образование ТМ, неготовность к социальным адаптациям в непривычной среде). Однако и эти стимулы ограничены, поскольку ТМ учатся приспосабливаться к этим условиям, используя привычные на родине социальные структуры для взаимной поддержки (махалля, родственные связи и пр.) и создают по тем же принципам рабочие бригады и группы, построенные на родственных или локальных (земляческих) началах. Это способствует налаживанию внутреннего контроля и стало сдерживающим фактором против вовлечения молодых мигрантов в экстремистские группы. ТМ научились преодолевать социальное или этно-конфессиональное отчуждение в РФ. Этот процесс взаимен и доверие к мигрантам среди населения РФ растет.

Трудовая миграция выгодна и РФ, и странам-отправителям. Одновременно в некоторых властных структурах РФ есть желание использовать проблему мигрантов в политических целях, в частности, как инструмент во взаимоотношениях со странами ЦА.

Рекомендации

Для РУз: На первых порах необходимо ускорить введение дополнительных консульств РУз в городах РФ, сделать приоритетной их работу с ТМ. В соответствующих структурах РУз важно публично признать проблему трудовой миграции, относится к ней как к части внешней экономической политики с последующим усовершенствованием форм официальной отправки ТМ в зарубежные страны. Следует организовать специальные радио и телепередачи (с участием юристов, психологов, богословов), чтобы помочь мигрантам оценить риски и трудности, связанные с трудовой миграцией, вооружить иными знаниями, связанными с пребыванием и работой за рубежом.

Для РФ: Важно усовершенствовать Закон и подзаконные акты РФ о мигрантах, дабы облегчить формы юридической, экономической и социальной адаптации ТМ.

Введение

Насильственный экстремизм (НЭ) - феномен, не связанный с конкретной конфессией, идеологией или регионом, а его гуманитарные последствия выплескиваются за пределы конфликтных точек. В отношении точных определений НЭ и радикализации не существует широкого консенсуса. В целом это явление можно определить как идеологию, основанную на нетерпимости к другим взглядам, предпочтением использовать насилие для продвижения узко-групповых социально-экономических и политических целей, которые наносят урон стабильности, экономическому и социальному развитию. До сегодняшнего дня борьба преимущественно ведется с последствиями разных радикальных проявлений НЭ, хотя очевидно, что лучший способ преодолеть угрозу – выявить и понять ее задолго до ее критического роста.

На заре независимости стран ЦА, когда на фоне коллапса прежних идеологических парадигм, здесь впервые столкнулись с проблемой возникновения и роста числа групп, в среде которых стихийно стали приживаться идеологии, основанные на религиозно мотивированном экстремизме. В свою очередь, экстремизм порождал разные формы радикализма, нередко переходил к вооруженному террору, как это было в случае т.н. «Исламского движения Узбекистана/Туркестана» (ИДУ), вошедшего в состав *ал-Каиды* и активного в 1997-2010 на территориях Узбекистана, Таджикистана и Кыргызыстана. Попытки нейтрализации такого рода квази-идеологий исключительно силовыми методами оказывались малоэффективными. Военный

урон и рассеивание ИДУ, как оказалось, тоже не означали нейтрализации самой идеологии, которая в результате глобализации конфликтов обрела форму НЭ, особенно среди молодежи. Такая аналогия дает основание предполагать, что понесшее сегодня значительный урон самопровозглашенное государство ИГИЛ, завтра может возникнуть в другом месте и в другом обличии.

Идеология НЭ проявила высокую адаптивность. ИГИЛ умело использовал глобальный масштаб конфликта, вмешательство в него третьих стран и путем умелой и профессиональной пропаганды, смог вовлечь и завербовать в свои ряды ряд добровольцев не только из стран с преобладающим мусульманским населением, но из Европы, Америки и др. Среда трудовых мигрантов в РФ не стала исключением. Озвучиваемые цифры с количеством завербованных неодинаковы, однако даже указываемый минимум вовлеченных (около 500 персон из Узбекистана) дает основание говорить о возникшей проблеме.

Опубликованные до сих пор исследования, касательно вербовки среди ТМ в РФ носят преимущественно журналистский характер, сосредотачиваются на статистических данных (иногда сомнительного происхождения), основаны на точечно собранных данных, или информации от заинтересованных лиц и учреждений. Масштабных и глубоких исследований по изучению глубинных причин сочувствия идеологии НЭ или вовлечения некоторых персон в ряды ИГИЛ не проводилось. Поэтому презентуемый проект следует считать уникальным, в силу беспрецедентного географического охвата (13 городов и пригородов РФ, 218 опрошенных). Подобный масштабный проект на территории РФ был **осуществлен впервые**. При этом использовались как заведомо налаженные контакты, так и спонтанные знакомства на местах. Соответственно менялись способы опроса.

<u>Новизна проекта, принципы подбора респондентов, опросов и исследований</u>:

– Разнообразная социальная стратификация интервьюируемых персон (простые рабочие, главы диаспор, имамы, юристы, специалисты по миграции на местах) тоже выводит проект в разряд уникальных. В этом случае учитывалось то обстоятельство, что местные эксперты или условная «элита» ТМ хорошо осведомлена с ситуацией на местах и более открыта для информации. Еще ближе к работающим мигрантам имамы и главы диаспор, что тоже делает интервью с ними особо ценными;

– В проекте одновременно участвовали специалисты из трех стран Центральной Азии, граждане которых составляют основную массу мигрантов в РФ и более всего подвержены рискам вербовки. Специалисты каждой страны проводили свои опросы и исследования автономно, что дало возможность получения максимально беспристрастных и независимых результатов.

Цель, задачи, методы, подходы

Основная цель проекта состояла в том, чтобы на основе максимально масштабных данных расширить наше понимание тех условий, которые потенциально могут способствовать приверженности части ТМ к идеологии НЭ и привести к их радикализации. Еще важнее было реконструировать и понять причины идеологической, психологической и отчасти религиозной **устойчивости** основной части ТМ к влиянию идеологии НЭ и радикализации, поскольку такие знания, очевидно, были бы более полезными для формирования ряда аспектов внутренней и внешней политики принимающих и отправляющих стран в процессе трудовой миграции.

Мы учитывали, что основными причинами религиозно мотивированной радикализации и относительная открытость к вербовке среди ТМ становятся ряд социальных и психологических проблем, возникновение которых тоже не однообразно. По этой причине, кабинетные исследования помимо текстовой реконструкции, сочетались с более обширным анализом факторов ограниченной радикализации, на основе изучения исследований коллег. Эти обстоятельства повышают достоверность и более полно позволяют понять причины устойчивости (Resilience) тех персон, кого пытались рекрутировать (такие случаи выявлены в Самаре, Астрахани, Москве, Санкт-Петербурге). Остальные методы выборок, форм контент анализов, категорий кодирования изложены в отчете RUSI.

Ограничения, основная стратегия интервью и исследований

Проект изначально не мог быть нацелен на интервью непосредственно с «объектами» радикализации, для которых путь вовлечения в сети идеологов и вербовщиков НЭ был как пост-фактум (например, с теми, кто побывал в составе отрядов ИГИЛ). Доступ к таким персонам заведомо ограничен или невозможен, в силу понятных причин.

Однако изучение среды, где проводится вербовка, либо, где есть комплекс условий к радикализации, мог оказаться не менее, если не более продуктивным, в смысле реконструкции базовых причин вербовки ТМ, знания и опыт (или опыт их близких) которых являются пока самым ценным источником. Оставалось преодолеть опасения и естественную пристрастность или проявление подчеркнутой политической лояльности интервьюируемых персон с помощью косвенных и дополнительных вопросов.

Поэтому вопросник имел свободную и гибкую структуру. В интервью учитывались социальный статус и уровень образования опрашиваемых, а для усиления достоверности варьировались методы опроса (часто в форме собеседования/*сухбат*), формулировались дополнительные вопросы, учитывая обычную настороженность респондентов, их естественную пристрастность.

Структурные мотивации вовлечения

Несмотря на масштабность проведенных опросов и исследований, мы едва ли можем говорить о том, что нам удалось воссоздать полную картину причин вовлечения незначительной части ТМ в сети религиозно мотивированных радикалов или в криминальные структуры. Объем и среда опрошенных едва ли может претендовать на полное воссоздание профиля персон, вовлеченных в структуры радикалов. Поэтому перечисленные ниже факторы рассматриваются как дополнительные, но не решающие стимулы возможного возникновения симпатий к религиозно-экстремистской идеологии в среде ТМ. Поскольку, как показывают наши опросы, в некомфортной юридической, экономической или социальной ситуации оказываются множество из них, однако на отчаянный шаг или преодоление условной «черты» решаются немногие. Наиболее уязвимой оказывается молодежь (большая часть которой имеет крайне слабое образование), особенно т.н. «дикари», оказавшиеся в РФ вне налаженных здесь социальных и родственных сетей ТМ и попадающие, как правило, в состав нелегальных мигрантов. На их решения влияют иные (преимущественно индивидуальные) стимулы. Однако структурные мотивации становятся первой причиной для создания благоприятных условий, подводящих ТМ к упомянутой «условной черте».

В этой группе мотиваций прежде всего выделяются юридические аспекты. Они связаны с препятствиями и сложностями (нередко искусственными) в оформлении разрешительных документов на работу, пропиской, что приводит к трудностям с легализацией, открывает путь для коррупции. Об этом говорят практически все опрошенные. Этот факт можно было бы игнорировать в силу естественного желания ТМ обратить внимание на их проблемы в плане юридической легализации, как это предложено в отчете коллег из Великобритании и РФ. Однако именно эти факторы приводят к тому, что значительная часть ТМ (до 20-25%) оказывается в числе нелегальных мигрантов, которые, как показывают опросы, наиболее уязвимы для вербовки в экстремистские сети. Систематические задержки ТМ правоохранительными органами РФ тоже стимулируют их серьезное отчуждение и психологическую подавленность (информация бригадиров в Москве, Самаре, Санкт-Петербурге).

С другой стороны, подавляющее большинство мигрантов знают плохо или вовсе не знают законов РФ, в силу отсутствия на родине налаженной системы информирования и подготовки потенциальных ТМ для пребывания в чужой стране, непривычной, иногда отчужденной среде. ТМ оказываются под действием законов, о которых имеют очень смутное представление или не имеют его вовсе. Одновременно при нарушениях или отсутствии возможности легализации, они часто оказываются в безвыходном положении и практически не могут получить юридической защиты от посольства РУз, поскольку посольские службы не в состоянии справиться с таким количеством ТМ без реального признания в РУз этого явления и соответственно, увеличения количества консульских служб. Эти и подобные факторы порождают социальное отчуждение и психологический дискомфорт, что тоже усиливает уязвимость ТМ.

В случаях, когда главам диаспор, бригадирам ТМ удается налаживать отношения с административными и правоохранительными органами на местах на основе признания взаимных интересов, обстановка (в первую очередь криминальная, социальная), как правило, улучшается и особенно в смысле отсутствия случаев вовлечения в экстремистские группы (изучен опыт бригад ТМ в Новосибирске, Екатеринбурге, Астрахани).

Экономическая уязвимость ТМ связана с юридическими аспектами и проявляется в разных формах коррупции, нечестности отдельных работодателей (невыполнение контрактов, невыплата или задержка зарплат, неправомерные удержания с них, нечестность кредиторов и посредников для оформления

легализации из числа бывших граждан РУз и т.п.). В этом отношении особенно уязвимы «нелегалы», часть которых оказывается на грани полного обнищания, что также потенциально становится причиной их социального отчуждения и недовольства. Другим следствием такого положения становится их уязвимость к вербовке, когда члены ячеек экстремистов готовы поддержать их материально.

Однако, проблемы в этих сферах в первую очередь сказываются на уязвимости неопытных ТМ, особенно тех, кто приехал в РФ впервые и «дикарем», т.е. без официального приглашения, не имея знакомств и налаженных контактов, при полном незнании местных условий и особенно законов. То есть налицо юридическая и социальная наивность (по словам респондента из Новосибирска, «‘*дикари*’ *едут в Россию в поисках работы, словно переселяются в соседний кишлак*»).

Социальная уязвимость ТМ тоже связана с упомянутыми факторами, и выражается преимущественно в ксенофобии в отношении к ТМ, социальной и этнической стигматизации (отчуждении), которая часто создается искусственно. Подавляющее большинство опрошенных крайне недовольны негативными стереотипами, навязываемыми местными СМИ в отношении ТМ, присутствие и поведение которых в РФ преподносится как источник роста криминальных акций, социальной нестабильности, беспорядка. Все это серьезно стимулирует социальное отчуждение и одновременно никак не улучшает работу самих органов, занимающихся ТМ, получающих своеобразный карт-бланш для усиления прессинга, вновь открывая условия для коррупции этих органов.

Одновременно публикуются более объективные статьи о проблемах ТМ, о коррупции, складывающейся вокруг них, рисках, которым они подвергаются и т.п. Однако эти статьи преимущественно публикуются в малотиражных газетах, либо на малопопулярных интернет-сайтах.

Индивидуальные уязвимости и побуждения

Судя по выявленным через респондентов случаям попыток вовлечения в экстремистские сети ТМ, личные и социальные формы уязвимости становятся самыми главными факторами, привлекающими внимание вербовщиков. Индивидуальная уязвимость чаще всего связана с плохим светским образованием ТМ, их неготовностью к социальным адаптациям в непривычной среде, неопытностью (выражающейся в социальной или религиозной наивности),

индивидуальными психологическими особенностями (неустойчивость к проблемам, легкая подверженность внешнему влиянию, в том числе, влиянию интернет сайтов с героизацией джихада, склонность к личному авантюризму, эмоциональная неустойчивость и т.п.) и материальными мотивациями («легкий заработок», единовременная денежная помощь вербовщиков).

Будучи связанными со структурными и экономическими мотивациями, такого рода риски не всегда становятся прямой причиной уязвимости. Не стоит упускать из виду, что воздействию системных мотиваторов одинаково подвержено подавляющее большинство ТМ, хотя основная их часть проявляет устойчивость. В этом плане выявлено, что основными причинами личной неустойчивости персон, которые были завербованы (в том числе женщины) стали не только материальные или моральные проблемы, связанные с упомянутыми факторами обнищания или отчуждения и, как следствие, психологических травм, которые приводят к безысходности и серьезной личной подавленности. Судя по опросам (Самара, Астрахань, Екатеринбург), такие персоны становятся объектами внимания вербовщиков, явно учитывающих проблемы своих будущих жертв, старающихся использовать методы морального, религиозного и психологического воздействия. Одновременно только незначительная часть такого рода ТМ проявляет склонность поддаться на уговоры и воспринимает аргументы вербовщиков.

Рассказы юристов или наблюдателей в судах (Самара, Екатеринбург) показывают, что особый способ вербовок молодых ТМ – использование их личной жизненной неопытности и наивности, их слабой связи или ее полного отсутствия с основной частью земляков (бригад, или групп). В этом случае вербовщики предлагают не только единовременную материальную помощь, но и собирают специальные бригады для молодых, но отчужденных ТМ, создавая иллюзию привычных социальных сетей. Такие бригады имеют подряд на работы, но во главе их стоят бригадиры из сети опытных вербовщиков, которые используют свободное время для осторожных и ненавязчивых форм религиозной пропаганды и, по мере «готовности», постепенно внушают им идеи о необходимости «защищать ислам и мусульман», пытаясь склонить к отъезду в ряды ИГИЛ, либо подключиться к сетям экстремистов в РФ (интервью в Самаре, Екатеринбурге, Астрахани). Такого рода наблюдения указывают на то, что вербовка стала целой системой «обработки» потенциального адепта, а его переход условной «черты» не является единовременной и спонтанной акцией.

Хотя часть респондентов (Новосибирск, Самара, Астрахань, Краснодар) указали на импульсивные решения некоторых завербованных и связывают это с авантюрным складом их характера. К сожалению, редкость таких случаев, а главное – невозможность непосредственного опроса такого рода выходцев из среды ТМ, не позволяет достаточно полно и достоверно реконструировать мотивации этой группы риска, хотя дает основание говорить, что такого рода индивидуальные уязвимости существуют.

Способствующие (стимулирующие) факторы

Под способствующими факторами мы имеем в виду косвенные условия, ресурсы, идеологии и их носителей, способствующих вовлечению ТМ в сети групп НЭ. Это, например, интернет-манипуляции, ставшие эффективным инструментом радикальных сообществ, которые активно рассылают разного рода пропагандистские фильмы с религиозными сюжетами. Часть таких роликов скачена и просмотрена нами для анализа. Учитывая склонность части ТМ (особенно молодых девушек и женщин) к этим фильмам, «духовное кормление» такого рода продукцией начинается с чтения тщательно подобранных аятов Корана, а чаще всего с безобидных сюжетов (история Пророка, его сподвижников), в которых незаметно, но настойчиво включаются сюжеты, восславляющие «джихад непорочных предков». В последующие серии таких фильмов добавляются беглые кадры и вбросы с картинами «джихада» ИГИЛ, что, по замыслу режиссеров, должно показать связь времен и придать сакральные санкции насильственным акциям радикалов, стимулировать настроения «исламской солидарности», религиозного морализаторства, внушать чувства сострадания единоверцам, стараясь заменить традиционную региональную или сетевую идентичность на более глобальную исламскую идентичность, подготавливая почву для «воссоздания халифата», который способен противостоять «подавлению мусульман» и т.п. Для рассылки фильмов такого свойства используются уже существующие ресурсы, вроде «ВатсАпп», «Телеграмм» и т.п., которые стоят относительно дешево и более доступны, чем в РУз. Отмечен случай (в Екатеринбурге), когда такой способ пропаганды приводил к само-вербовке.

Среди стимулирующих факторов попыток вовлечения ТМ в идеологию НЭ некоторые респонденты называли радикальных религиозных лидеров, действующих в мечетях или через те же интернет-сети, доступные в смартфонах (Самара, Астрахань). Опросы показали, что такой способ вовлечения и иногда прямых вербовок достаточно эффективен, однако, только в случаях, когда ослабевает контроль внутри созданных сетей**:** бригады, группы или иные формы социальных микро-сетей, основанных на традиционных иерархиях соподчинения, авторитета и контроля более опытных и старших товарищей в сообществах ТМ. Как правило, религия нередко является темой общения в таких бригадах и старшее поколение внушает традиционное понимание религии в рамках традиций, то есть в виде достаточной религиозности, или религиозного минимализма, который характерен для большинства населения Узбекистана. Однако религиозная мотивация в вербовках не становится основной. Она используется как инструмент перекодировки сознания.

Большинство опрошенных, особенно главы диаспор и бригадиры (Самара, Екатеринбург, Астрахань, Санкт Петербург), опасаются влияния радикальных религиозных идей в официальных мечетях РФ, иногда напрямую от имамов. Непривычные для них формы молитв большинства приходов мечетей или пятничные «проповеди» имамов (*ма'руза*) они воспринимают как «ваххабизм», хотя имеют о нем смутное а иногда наивное представление, понимая под этим термином политизированные формы ислама. Старшее поколение ТМ беспокоят призывы имамов отказаться от более либеральных требований к исполнению ритуальных предписаний, которые привычны для местных форм ханафитского мазхаба (например, возможность отложить молитву, если ты занят на работе, что в местной традиции обозначается термином «*када/каза*» - отложенная религиозная обязанность).

Некоторая часть респондентов (Самара, Екатеринбург, особенно Астрахань) утверждают, что основной «этнической группой» в РФ, которая становится посредником в вовлечении ТМ в экстремистские сети, становятся выходцы из Кавказа, точнее носители экстремистских идеологий. Эти данные проверить сложно, однако очевидно опасение многих глав узбекских диаспор и бригадиров именно такого влияния, которое можно отнести к стимулирующим, но, тем не менее, ограниченным факторам.

Есть данные (Москва, Самара, Новосибирск), что некоторые из ТМ приезжают в РФ, будучи уже под влиянием либо просто знакомыми с идеями

экстремистских организаций, в частности, те, кто входил в состав «Хизб ат-тахрир». Тем не менее, большинство респондентов связывает феномен ограниченной радикализации в среде ТМ с влиянием сетей внутри РФ. Хотя не стоит исключать оба источника, сдерживаемые личной устойчивостью.

Факторы устойчивости к радикализации

Причины устойчивости, как и рисков, не могут быть объяснены одним фактором, как это частично показано выше. В этом смысле устойчивость к влиянию радикальных идей может быть сформулирована на основе тех же факторов, которые рассмотрены выше:

1. Социальные факторы. Здесь имеются в виду соблюдение характерных для узбекского общества семейных, родственных и дружеских обязательств, порождающих ответственность перед членами семьи, родственниками, а также прочность связей с социальными сетями (бригады, старшие коллеги по работе), в основе которых лежат понятные и привычные традиции взаимной помощи, поддержки. Используя традиционные для узбекского общества инструменты иерархического морального соподчинения, большинство бригад и отдельных групп ТМ в России (организованных преимущественно на основе землячества, родственников, одноклассников) создают социальные микроорганизмы, основанные на взаимных обязательствах и присмотре, чтобы противостоять разного рода рискам, в том числе и для предупреждения возможной вербовки. Правда, иногда под воздействием СМИ в РФ, требований властей, в бригадах появляется комплекс собственной неполноценности и ощущение общественной стигмы. Однако большая часть мигрантов уловили правила игры некоторых политиков (особенно в Москве), использующих тему мигрантов для роста рейтинга. Таким образом, когнитивный (познавательный) опыт адаптации у ТМ растет, и он передается товарищам, особенно в случаях наличия налаженных микро-сетей (в виде бригад, групп и пр.).

2. Индивидуальные особенности основной части ТМ также могут рассматриваться в числе факторов устойчивости. Имеется в виду личный опыт

социальных адаптаций, стаж пребывания в РФ, уровень и качество светского образования, традиционное и толерантное восприятие религиозных парадигм, знание языка как основного фактора адаптации. Поражает крайне поверхностное и слабое знание опрошенных сути Насильственного экстремизма и терроризма. Бригадиры ТМ и главы диаспор с недовольством говорят о том, что духовенство (как в РУз, так и в РФ) слишком однообразно, поверхностно говорит о сути экстремизма или религиозно мотивированного терроризма, что делает мигрантов крайне уязвимыми.

3. Экономические и юридические факторы. Опросы показали, что в случаях, если налажена справедливая система легализации (например, Астрахань), взаимоотношения с правоохранительными органами и мигрантскими службами, напряженность в среде ТМ крайне низкая и резко снижает риски. С другой стороны, понимание закона и ответственности перед ним, умение бригадиров, глав диаспор наладить отношения в местных правоохранительных органах имеет важное значение для преодоления искомых проблем. Важный фактор сдерживания – наличие работы, соблюдение элементарных правил найма с регулярной выплатой зарплаты и т.п.

В целом, выявленные случаи с попытками вовлечения ТМ в группы насильственного экстремизма (Москва, Самара, Астрахань), а также наблюдения глав узбекских диаспор и организаций юридической поддержки, свидетельствуют о серьезной устойчивости ТМ в РФ к вербовке. Главная причина, как полагают все опрошенные, наличие упомянутых социальных ячеек с внутренним контролем. Однако, будучи серьезным сдерживающим фактором, и они не могут быть панацеей, поскольку адаптация большинства из них внутренняя, не направленная на полную социализацию в российском обществе.

Факторы и группы риска

Выше уже обозначены основные группы и факторы риска. Следует заметить, что случаи вовлечения в группы НЭ неоднообразны и, как правило, действуют в комплексе. Сами мигранты, говоря о причинах вербовки своих знакомых или родственников, на первое место ставят причины экономического порядка (обман работодателей, обнищание и т.п.), либо желание некоторых малоопытных мигрантов «подзаработать в легкую» (Новосибирск, Самара, Екатеринбург). Нередко упоминается «ловкость» вербовщиков, использующих

разные способы вовлечения. Реже говорят об осознанном или эмоциональном вовлечении на основе «защиты ислама и мусульман», по крайне мере, на начальных этапах вербовок. По-видимому, не стоит исключать как стимул специальную религиозную пропаганду, особенно что касается вовлечения через Интернет-сети. В этом смысле гораздо эффективнее было бы изучение конкретных случаев с завербованными персонами, в случаях возможности такого общения и интервью.

В целом выделяются следующие группы риска: 1). Молодежь, оторванная от социальных сетей, а потому находящаяся вне иерархий соподчинения и «бригадного контроля»; 2). Незаконные мигранты (т.н. «дикари»), попавшие в безвыходное положение и также открытые дискриминации; 3). Женщины, особенно одинокие или проданные в сексуальное рабство; 4). Персоны или маленькие группы религиозно воспитанных людей, кто был вовлечен в сети религиозных экстремистов у себя на родине.

Выводы и рекомендации

Масштаб распространения идеологии НЭ в среде ТМ из Узбекистана в России относительно невелик; данное обстоятельство дает основание говорить о феномене ограниченной радикализации и весьма незначительной приверженности к идеологии НЭ. Однако случаи вербовки и иные риски сохраняются, что должно стимулировать создание условий для их предотвращения.

Самым эффективным и естественно сложившимся фактором сдерживания от вовлечения ТМ из РУз в экстремистские сети стали социальные ячейки (вроде бригад), построенные на принципах привычных социальных сетей на родине.

Основная часть мигрантов из РУз сумела адаптироваться к существующим условиям юридической легализации. Однако большинство из них рассматривают эти условия излишне усложненными, дорогостоящими и потому открывающими путь к коррупции и процветанию недобросовестных посредников. И хотя это не может стать прямой причиной вовлечения ТМ в экстремистские общины, однако, напрямую увеличивает риски роста нелегальных и оторванных от общин, а значит от сложившегося социального контроля.

Социальная и культурная адаптация у основной части ТМ проходят гораздо сложнее, особенно у т.н. «дикарей», кто приезжает в РФ вне налаженных

сетей. Такие группы более всего подвержены рискам вербовок, поскольку очень легко воспользоваться их исключенным состоянием и, как правило, трудным материальным положением, в которое они попадают в результате отчуждения.

Прежнее правительство РУз в силу ряда идеологических и политических причин фактически не признавали феномена трудовой миграции. Нынешнее правительство де-факто признало это явление как фактор экономический, либо начало понимать его финансовые преференции в процессе обмена валют, однако, пока не торопится признать его в общественном и политическом плане внутри страны, оставляя поле пропагандисткой работы с ТМ пустым. Поэтому часть ТМ новой волны покидает страну без должного представления о законах принимающей страны, об ожидаемых рисках, не чувствуют своей связи с родиной. Этот вид отчуждения тоже становится косвенным фактором, стимулирующим маргинализацию и открытость вербовкам.

Рекомендации:

– Трудовая миграция решает проблему демографического избытка рабочей силы стран ЦА. Правительству РУз, по примеру соседей, крайне желательно признать официально явление трудовой миграции с последующими просветительскими и иными формами публичного освещения через СМИ, старейшин махаллей тех рисков, которым могут подвергаться ТМ;

– Необходимо ускорить налаживание работы дополнительных консульств РУз в городах РФ, соглашение по которым уже достигнуто. Важно расширить работу по юридическому обслуживанию ТМ, используя опыт местных диаспор;

– Странам региона важно расширять взаимное сотрудничество в вопросе выработки единой политики по выявлению и нейтрализации местных сетей экстремистов. Сотрудничество должно учитывать близость возникающих проблем и потому включать действия по совместному упорядочиванию трудовой миграции в РФ, с которой тоже следует продолжить сотрудничество для совместного решения возникающих рисков и проблем;

– Правительству РФ желательно упростить и по возможности удешевить процесс легализации, имея в виду относительно небольшой заработок ТМ, чтобы предотвратить нелегальные формы трудовой миграции, также остающиеся открытыми для рисков;

– Необходимо поощрять доверительные контакты правоохранительных органов РФ с диаспорами и бригадирами на постоянной основе с целью

предотвращения десоциализации отдельных ТМ. Самый реалистичный и достаточно простой путь – поддержать уже сложившиеся формы социализации ТМ (бригады, диаспоры и т.п.);

– Провести дальнейшие совместные исследования заинтересованных учреждений РФ с соответствующими организациями и исследователями из стран ЦА, охватывая исследования семей мигрантов, учитывая религиозные аспекты проблемы;

– Недопустимо использовать проблему мигрантов в политических целях, в частности, как инструмент во взаимоотношениях со странами ЦА. Важно остановить использование проблемы ТМ в качестве «PR-инструмента», порождая «мигрантофобию» и отказываясь признать само явление трудовой миграции как обоюдовыгодное;

– Разработать совместные стратегии специальных служб РФ и заинтересованных стран ЦА в отношении задерживаемых репатриантов, принявшим участие в войне на Ближнем Востоке. Привлекать местных исследователей к сбору информации по такого рода персонам, с возможностью предоставления права на интервью отдельным исследователям.